

АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СТАРШИХ КЛАССАХ ЛИЦЕЯ
(на материале лирики А. С. Пушкина и Н. М. Языкова)

THE ANALYSIS OF THE POETIC TEXT AT THE LYCEUM LEVEL
(based on A. S. Puskin's and M. Yazicova's poetry)

Владимир БРАЖУК,
Бельцкий Государственный Университет им. Алеку Руссо

Rezumat: În articol sunt prezentate posibilele moduri de a analiză și interpretare a versurilor în ciclul liceal. Motivele lenea și liniștea în creația lui A. Pușkin și N. Iazikov sînt cercetate sub aspect istorico-literar, filozofic, culturologic, simbolic și lingvistic.

Cuvinte-cheie: analiză, interpretare, erou liric, antiteză, motiv, cronotop, simbol.

Abstract: Presented possible ways of analyzing and interpreting the lyrics at the Lyceum. The motives of "laziness" and "idleness" in the creative work of A. Pushkin and N. Iazikov are examined in the historic-literary, philosophical, cultural-symbolical and linguistic aspects.

Keywords: analysis, interpretation, lyrical hero, antithesis, motif, chronotope, symbol.

Одна из компетенций изучения литературы, обозначенных в куррикулуме лицейского образования, – овладение умениями творческого чтения и **анализа** художественных произведений с привлечением базовых литературоведческих понятий и необходимых сведений по истории литературы. В стандарте лицея – совершенствование умений **анализа и интерпретации** литературного произведения как художественного целого в его историко-литературной обусловленности с использованием теоретико-литературных знаний.

В основе анализа – вдумчивое внимательное чтение. Только так: от чтения стихотворений – к постижению поэта и его поэтического мира. М.Л. Гаспаров во вступительной лекции к курсу «Анализ поэтического текста» обращает внимание на различия терминов «анализ» и «интерпретация»: «Анализ» этимологически значит «разбор», «интерпретация» – «толкование». Анализ и интерпретация, по мнению М.Л. Гаспарова, тесно взаимосвязаны (Гаспаров 1995:189).

Универсального плана, алгоритма, которым можно воспользоваться при разборе стихотворения, не существует. При этом общеизвестно, что анализ художественного своеобразия поэтического произведения предполагает рассмотрение истории создания, тематики, проблематики, идеи, композиции, образа лирического героя, языка, средств поэтической выразительности, особенностей стиха, а также значения произведения в творчестве поэта, в литературной жизни эпохи, в литературной традиции.

Рассмотрим мотивы «лени» и «покоя» в стихах А. С. Пушкина и Н.М. Языкова и представим возможные пути анализа и интерпретации поэтических текстов в лицее.

Для Пушкина, Языкова, Батюшкова или Дельвига слово ленивец (стандартная рифма для него – счастливец) обозначает поэтическую натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви. Леню воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и, во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты. Именно такое понимание лени находим во всех стихах Пушкина, где встречается лексема «лень»: «Городок» (1815); «Мечтатель» (1815); «Моя эпитафия» (1815); «Моему Аристарху» (1815); «Послание Юдину» (1815); «Послание к Галичу» (1815); «К Дельвигу» (1815); «Сон» (1816); «Дельвигу» (1817); «Тургеневу» (1818); «Уединение» (1819); «Всё призрак, суета...» (1819); «К моей чернильнице» (1821); «В часы забав иль праздной скуки...» (1830); «Дельвигу» (1830). Большинство из перечисленных стихотворений это дружеские послания, «лень» здесь стоит в одном ряду с любовью и дружбой: «Любовью, дружеством и ленью / Укрытый от забот и бед, / Живи под их надёжной сенью; / В уединении ты счастлив: ты поэт» («Дельвигу») (Пушкин 1974, т.1: 31).

Для творчества, для поэзии необходимо уединение. В стихотворении «Городок» (1815), обращённом к другу детства Н. И. Трубецкому, автор сетует на то, что в Петербурге не знал покоя, «кружился, весе-

лился в театре, на пирах» и далее: «Но слава, слава богу! / На ровную дорогу / Я выехал теперь; / Уж вытолкал за дверь / Заботы и печали, / Которые играли, / Стыжусь, столь долго мной; / И в тишине святой / Философом ленивым / От шума вдалеке / Живу я в городке / Безвестностью счастливым... / Здесь грома вовсе нет...» (Пушкин 1974, т.1: 333).

Сочетание «ровная дорога» в этих строках приобретает метафорический смысл: дорога – жизненный путь – суетна, печальна, шумна в Петербурге и покойна в далёком провинциальном городке, где нет грома и где тишина святая, отсюда – "слава богу"; святость там, где есть покой. Данный топос и обстановка как раз созданы для ленивого философа: «Блажен, кто веселится / В покое, без забот, / С кем втайне Феб дружится / И маленький Эрот; / Блажен, кто на просторе / В укромном уголке / Не думает о горе, / Гуляет в колпаке, / Пьёт, ест, когда захочет, / О госте не хлопочет! / Никто, никто ему / Ленился одному / В постели не мешает...» (Пушкин 1974, т.1: 334).

Большая часть стихотворения «Городок» – это общение с великими творцами древности и современности, чьё творчество не даёт поэту скучать: Вольтер, Вергилий, Гомер, Гораций, Лафонтен и другие. Весь день он с ними, прославляет их бессмертие и надеется на то, что и его творчество не канет в Лету. Лень здесь – это состояние, помогающее обрести покой, который связан с дружеским общением, с чтением, с мечтами, с философствованием, с творчеством.

В стихотворении «Сон» (1816), являющемся отрывком из неосуществлённой поэмы "Оправданная лень", заглавие которой сохранилось в рукописях Пушкина, лень – богиня и царица, благодаря лени поэт творит; краски, кисть, лира – всё отдано ей: «Приди, о лень! / Приди в мою пустыню. / Тебя зовут прохлада и покой; / В одной тебе я зрю свою богиню; / Готово всё для гости молодой. / ... Вот мой диван. Приди ж в обитель мира; / Царицей будь, я пленник ныне твой. / Всё, всё твоё: вот краски, кисть и лира – / Учи меня, води моей рукой» (Пушкин 1974, т.1: 414).

В стихах Пушкина лень – *беспечна, свободна, глубока, уединённа, философична, мечтательна, поэтична, лирична, тиха, покойна, сонна, горда, свята, подруга, богиня, царица*. Лень, спутница творчества, возможна в определённом топосе: *глушь, пустыня, отдалённая сень, деревня, городок; лес, роцца, сад, луга, поля, река, ручей; дом, шалаши, каморка, диван*. Пейзаж в данном случае всегда умиротворённый, небо и реки спокойные. Всё это антитезно *шуму и крику городов, богатым домам, пирам, балам; громам, молниям, бурям, морям*. «Спешите же под сельский мирный кров / Там можно жить и праздно и беспечно, / Там прямо рай; но прочь от городов, / Где крик и шум ленивцев мучит вечно» («Сон») (Пушкин 1974, т.1: 415).

В прославлении и воспевании лени Пушкин ироничен. Ирония есть во всех перечисленных стихах о лени (кроме: «Мечтатель» (1815), «Уединение» (1819)). «О Дельвиг! Начертали / Мне музы мой удел; / Но ты ль мои печали / Умножить захотел? / Меж Лени и Морфея / Беспечных дух лелея / Ещё хоть год один / Позволь мне полениться / И негой насладиться, – / Я, право, лени сын!» («К Дельвигу») (Пушкин 1974: 31). «Здесь Пушкин погребён; он с музой молодой, / С любовью, леностью провёл весёлый век, / Не делал доброго, однако ж был душою, / Ей-богу добрый человек» («Моя эпитафия») (Пушкин 1974, т.1: 372).

«Похвальна лень, но есть всему пределы», без творчества, без труда, без движений лень тягостна и мучительна: «Брегитесь вы, о дети, мудрой лени! / Обманчивой успокоенья тени...»; вся жизнь на диване и постели ведёт к подагре, тоске и болезни; «Средь мирных сёл, без всякого труда. / Что ж надобно? – Движенье, господа!» («Сон»). Лень и труд в стихах Пушкина взаимосвязаны: «Блажен, кто в отдалённой сени, / Вдали взыскательных невежд, / Дни делит меж трудов и лени, / Воспоминаний и надежд» («Уединение») (Пушкин 1974, т.1: 87).

Большинство стихотворений, где встречается слово «лень», написаны молодым Пушкиным. Поэт гармонично объединил лень и творчество, тем самым облагородив слово-понятие «лень», вернув слову первоначальный смысл: медлительный, медленный, тихий, спокойный, мягкий, нежный, кроткий, то есть не суетный, мечтающий (Фасмер 1986: 482).

Мотив покоя наиболее полно представлен в стихотворении А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора!» 1834 года. Когда пушкиноведы делят жизнь Пушкина на периоды, 1834 год обычно определяют начальным рубежом последнего из них – самого горького и самого тёмного. В этом году был запрещён «Медный всадник», критика говорила об упадке творческих сил поэта. В начале 1834 года Пушкин стал камер-юнкером, что было унижительным для поэта. Необходимость бывать при царском дворе тяготила. В апреле 1834 года почтовая цензура противозаконно распечатала, передала полиции, а та переправила царю письмо

Пушкина Наталье Николаевне, где он ругал своё производство в «камер-пажи» и советовал своему сыну Сашке не ссориться с царями.

Неразрешимой была и денежная проблема. Издерживая 30000 в год, Пушкин не мог набрать и половину этой суммы. Семейные заботы усложнились: рождались дети; родители болели, становясь беспомощными; жена поселила в своём доме двух сестёр; брат одолевал просьбами об уплате бесконечных долгов, зять – о разделе имений.

Под влиянием истории с письмом, из-за неприятия императорского двора, под давлением материальных обстоятельств Пушкин решил выйти в отставку (мысль о побеге в деревню, как единственном пути к спасению) и написал письмо А.Х. Бенкендорфу. Просьба об отставке не понравилась царю. Вмешался Жуковский и уладил дело. Но одно оказалось невозможным – оскорблённое самолюбие Пушкина. Ему было неприятно, что его считают холопом, с которым можно поступать как угодно. В дневниковой записи 1834 года о безнравственности правительства, читающего письма мужа к жене, Пушкин пишет: «Я хочу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного» (Пушкин 1976: 287).

Именно в этот сложный период появляется стихотворение, обращенное к жене, «Пора, мой друг, пора!..» Написано, вероятно, летом 1834 года в связи с неудавшейся попыткой выйти в отставку и уехать в деревню. То же душевное состояние отразилось в письмах этого времени к жене. «Пора, мой друг, пора! Покою сердце просит – / Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частицу бытия, а мы с тобой вдвоём / Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём. / На свете счастья нет, но есть покой и воля. / Давно завидная мечтается мне доля – / Давно усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег» (Пушкин 1974, т.2: 315). Форма разговора, беседы, философского размышления создаётся благодаря обращению, переносу строк, шестистопному ямбу с пиррихиями. С первой строки заявляется тема: желание покоя. Хронос не отделим от топоса: дни летят, жизнь проходит, и уже пора, время пришло для покоя, что равноценно счастью; час уносит частицу бытия, то есть время уничтожает материю, а человек всё откладывает и предполагает, что ещё есть время для жизни. Пиррихий во второй стопе четвёртого стиха «предполагаем» замедляет течение стихотворения, как бы подчёркивая, что человек планирует начать жить после завершения дел, но умирает, не успев пожить, то есть насладиться покоем и свободой. Свету, миру противопоставлена обитель дальняя, где тишина, творчество и чистая нега, то есть полное довольство и блаженство.

В рукописи находим план продолжения стихотворения: «Юность не имеет нужды в at home (в своём доме), зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, – тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть» (Пушкин 1974, т.2: 603).

Спасением для Пушкина был не просто покой, а покой творческий, «обитель дальняя трудов». Так же, как и концепт «лени», «покой» у Пушкина связан с возможностью отлучиться от шумной суеты света для того, чтобы творить.

Приведём примерную схему анализа поэтического текста в лице, опираясь на стихотворение Н.М. Языкова «К халату» (Языков 1988: 94).

К ХАЛАТУ

*Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отпад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен – и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей -
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней*

*Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская -
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной – не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого -*

Н.М. Языков – один из самобытных поэтов пушкинской плеяды. Родился в Симбирске 4 марта 1803 года. Его отец, Михаил Петрович Языков, был весьма состоятельным помещиком. Мать, Екатерина Александровна. В октябре 1814 года Николай Михайлович был определен в петербургский Горный кадетный корпус, где готовили горных инженеров, но прошел там лишь "нижние" и "средние" классы. С 28 августа 1819 года он учился в Институте корпуса путей сообщения, но весной следующего года оттуда был исключен "за нехождение в классы". Достаточно рано проявились литературные наклонности Николая. Учась в кадетском корпусе, он брал уроки словесности у А.Д. Маркова, сочинять стихи начал в 10-11 лет. В 1822 году Языков поступил в Дерптский университет, где дополнительно занимался с учителями латинским и греческим языками. Его захватила идея самообразования, воспитания в себе поэта-творца. В петербургских журналах все чаще появляются его стихи. Он пишет студенческие песни, которые имеют огромную популярность, хотя сам поэт не принимает их всерьез. За семь лет пребывания в Дерпте Н. Языков приобрел солидное образование, хотя и не окончил курса. Вместе с братом, П.М. Языковым, занимался переводами с русского на немецкий стихов В. Жуковского и А.С. Пушкина, несколько стихотворений Н. Языкова. Между тем в Москве вышла книга "56 стихотворений Н.М. Языкова", составленная Валуевым, а позже сам поэт подготовил к изданию сборник "Новые стихотворения", написанные в 1834-1844 годах. Здоровье Языкова ухудшается. Он проходит еще один курс водолечения в Москве, но силы его уходят, 26 декабря 1846 года поэт скончался.

«К халату» было написано в 1823 году, то есть когда Николаю было двадцать лет. Стихотворение вызывает чувство возвышенное, яркое, светлое. Ключевые слова: халат, наслаждение, творчество, душа. Чувства героя не меняется на протяжении развития темы: настроение лирического героя – наслаждение, которое дарит халат. Тема определена названием: «халат». Идея – халат как символ творческой лени и поэтических отпад. В XIX столетии "лень", "покой" – символами свободного творчества. Для Пушкина, Батюшкова или Дельвига слово ленивец (традиционная рифма для него – счастливек) обозначает поэтическую натуру, отринувшую соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви. Лень воспринимается здесь как состояние, родственное вдохновению и, во всяком случае, помогающее отрешиться от житейской суеты.

Н. Языков использует пласт возвышенной поэтической речи, старославянизмы, что придаёт стиху торжественный тон. На это также указывают восклицательные предложения. Стихотворение написано четырёхстопным ямбом с пиррихиями. Халат одушевлен, лирический герой обращается к нему, как к товарищу. Халат (покой, творчество) противопоставлен фраку и военному мундиру (суета, служба). Халат спасает и исцеляет от жизни суетной, бранной, пустой: не надо выполнять приказы царя, ты сам себе господин. Одиночество у свечи с чубуком в устах намного лучше, чем хоромы и жизнь царя. Так противопоставляются топос скромной каморки счастливого поэта в халате и дворец «живущего некстати» царя. Далее топос расширяется: вся земля, весь суетный мир уснули, и только поэт не спит, закутанный в авторский халат. Не случайно определение «авторский халат». Истинному поэту ни к чему слава Герострата (молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды в своём родном городе 21 июля 356 г. до н. э. для того, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки), или Карла Занда (немецкий студент, убивший агента русского правительства А. Коцебу), или Лувеля (французский рабочий, который убил герцога Бурбонского в ответ на террор Бурбонов во время Реставрации). Такая слава метафорически обозначена как «пустомеля»: пренебрежительная окраска. Настоящий поэт презирает славы шум. Тишина, уют, покой и домашний халат дарят гармонию и безмятежность. Кольцевая композиция и повтор слова «халат» в начале в середине и в конце стихотворения подчёркивают постоянное возвращение к идее творческой лени противопоставленной суетному и больному миру.

При изучении лирики XIX в старших классах необходимо показывать интертекстуальные и культурные связи слова, для того, чтобы учащиеся глубже проникли в суть стихотворения. Интерпретация текста должна показать, как глубоко понимает ученик стихотворение – и заключенные в нем идеи, чувства, образы, и то, какими средствами они создаются. Иными словами, недостаточно сказать о любви поэта к родной природе или родине, о чувстве глубокой тоски, светлой печали или законной гордости – нужно проверить читательские ощущения анализом: рассмотреть название (если есть), композицию, понять, каков художественный мир данного произведения (есть ли в нем сюжет, что на первом плане: события или пережива-

ния лирического героя, как в нем представлены время и пространство), осознать особенности словоупотребления (прежде всего слова в переносном значении), синтаксиса, а также звучания (здесь важны и метрика, и ритм, и строфы и рифмы, и ассонансы и аллитерации).

Библиография

1. Гаспаров М.Л. «Анализ поэтического текста» Ю.М. Лотмана: 1960–1990-е годы // Лотмановский сборник 1. – М., 1995. – С. 188-191.
2. Мотольская Д.К., Соколова К.И. *Лирическое произведение* // Пути анализа литературного произведения. Пособие для учителя. Под ред. Б.Ф. Егорова. – М., 1981.
3. Пушкин А.С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 1.* – М., 1974.
4. Пушкин А. С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 2.* – М., 1974/
5. Пушкин А.С. *Стихотворения. Собрание сочинений в 10-и томах, т. 7.* – М., 1976.
6. Рез З.Я. *Изучение лирики в школе.* – Л., 1968.
7. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах, т. 2.* – М., 1986.
8. Языков Н.М. *Стихотворения и поэмы.* – Л., 1988.

Bun de tipar 12.12.2013. Garnitura Times New Roman. Comanda nr. 209. Tiraj 50.
Tipografia Universității de Stat „Alecu Russo” din Bălți. Mun. Bălți, str. Pușkin, 38.